

Чжао Уцзю много лет руководил армией и требовал полного подчинения. Если он приказал уйти, все уходили, а если он запрещал, оставались. Обычно от одного его пристального взгляда, солдаты неизбежно чувствовали беспокойство и задавались вопросом, не сделали ли они что-то неуместное.

Его авторитет в армии был обусловлен не его статусом, а, скорее, годами, проведенными на передовой: он возглавлял каждую войну и был известным стратегом. Однако, похоже, ему было нелегко справиться с такой занозой, как Бай Шици.

Бай Шици не боялась его. Она вела себя наивно и делала вид, что не видит его пристального взгляда.

— Оставаться взаперти в каюте в течение длительного времени не пойдет на пользу здоровью двоюродного брата! — горячо произнесла она, рассказывая о местных обычаях, когда они проплывали вдоль канала. — Когда мы доберемся до следующего города, на корабле нужно будет пополнить запасы еды и других припасов, почему бы нам не прогуляться?

Лицо Чжао Цзихэна потемнело, будто говоря: «Ноги двоюродного брата... Друг мой, у тебя нет глаз?»

Чжао Уцзю потерял чувствительность в обеих ногах, он даже не участвовал в банкетах, проводимых Императрицей. Он отклонял всех посетителей, кроме приезжих имперских врачей, никто не мог встретиться с ним.

Шу Чанфэн стоял сбоку и затаил дыхание с тревожным выражением лица. Он предполагал, что предложение Бай Шици будет отклонено, однако он не знал, вызовет ли это гнев его господина или нет.

Острый взгляд Чжао Уцзю упал на ноги, затем он посмотрел прямо на Бай Шици.

Он хотел знать, действительно ли этот бойкий мальчишка искренне пригласил его или просто использовал возможность посмеяться над его положением.

Глаза Бай Шици были яркими, как звезды, с красными губами и белоснежной улыбкой, она была неожиданно хороша собой, даже сказанные ею слова было приятно слышать: — Пейзажи с каждой стороны канала разные. Вас быстро утомят знакомые лица, если Вы так долго будете находиться на корабле. Теперь у нас будет возможность выйти и прогуляться, попробовать местные деликатесы и послушать народные песни, это прекрасный способ провести свободное время.

Чжао Уцзю не видел ни искорки насмешки в ее глазах, ее манера речи также была располагающей, она даже делала вид, что не замечала его инвалидного кресла.

— Когда я в таком состоянии, разве я могу просто гулять, когда захочу? — его тон был резким, а в сердце засела тревога.

— В чём проблема? — Бай Шици была сбита с толку, — По сравнению с ходьбой на собственных ногах, сидеть в инвалидном кресле намного удобнее. — она наклонилась поближе, чтобы посмотреть. — Правда, оно сломано!

Будто из ниоткуда Шици вытащила ножны кинжала, постучав ими по инвалидной коляске. В комнате вдруг стало тихо.

Чжао Цзихэн был ошеломлен, он уже подумывал о том, чтобы оттащить своего глупого друга назад, чтобы тот не получил от его двоюродного брата, но затем вспомнил ту ужасную стойку всадника и побег Бай Шици. Ход его мыслей приостановился.

Шу Чанфэн был ошеломлен еще больше.

Чжао Уцзю не был любезным человеком, в определенной степени его даже можно было назвать холодным и до крайности самодисциплинированным.

Спустя некоторое время, Бай Шици уже проверила колёса с обеих сторон и теперь перешла к передней стороне, подняв одеяло, покрывавшее ноги Чжао Уцзю. Внимание её привлекла педаль внизу.

Она наклонилась очень близко. Чжао Уцзю опустил голову, и его взгляд упал именно на ее лицо, он неожиданно обнаружил, что ее ресницы были густыми и закрученными. Он собирался повернуть колесо, готовясь отъехать назад. Его ум был слегка отвлечен, что было редкостью. Эта растерянность заставила его направить инвалидное кресло вперед, в результате чего Бай Шици, которая совсем не ожидала этого движения, ударилась головой о его колено. Когда она собиралась упасть на спину, он потянул ее к себе, что привело к еще худшей ошибке — теперь он держал ее в объятиях.

К каюте повисло молчание. Чжао Уцзю тоже был поражен таким поворотом событий. Он презирал близость с другими людьми, тем более, близкий контакт с кожей. Мозг, который обычно был способен к точным вычислениям, внезапно перестал работать, и он безмолвно прижал ее плечо к своей груди.

Бай Шици попыталась встать, в то время как ее задница сползала, а тело опустилось вниз. Когда она подняла голову, ее встретила грубая большая ладонь Чжао Уцзю...

Чжао Цзихэн прикрыл глаза.

— Теперь мне ясно, почему ты отказываешься жениться после стольких холостяцких лет, кузен! — изумлённо закричал он. — Но даже если тебе нравятся мужчины, ты не должен

начинать с моего друга, ясно?!

Шу Чанфэна очень рассмешила эта сцена, он уловил ошеломленное выражение лица Чжао Цзихэна и неожиданно почувствовал себя избавленным от необходимости добавлять какие-то замечания.

С точки зрения окружающих, только что молодой глава Бай осматривал переднюю часть инвалидной коляски, а потом... Господин притянул его в свои объятия — и об этом было бы сложно было сказать что-то особенное, однако, когда Шици поднял голову, господин неожиданно... погладил лицо молодого юноши...

Этот страстный жест никуда не годился!

— Заткнись! — бросил Джао Уцзю.

То, что Чжао Цзихэн видел своими глазами, было тем же, что видел Шу Чанфэн. В мгновение ока его сердце пронзил благородный порыв: ты засранец, Бай Шици, ты не разделил своё утреннее убежище со мной, однако я по-прежнему считаю тебя братом. Но взгляни, теперь над тобой надругался Двоюродный Брат!

Бай Шици, которая все еще сидела на корточках, повернула голову, посмотрев на него.

— Этот юноша, должно быть, бывал в мужских борделях, его разум полон странных мыслей. — сказала она с удивлением, глубоко восхищённая его логикой.

Однако в глазах Чжао Цзихэна ее изумление выглядело так, будто она была шокирована и унижена домогательствами со стороны Двоюродного Брата. Чжао Цзихэн вспомнил прошлое, когда его кузен и названный брат только познакомились друг с другом, и взволнованно вздохнул: «Даже если двоюродный брат всемогущ, я не могу позволить, чтобы мой друг был унижен!»

Это было его решением познакомить их, и он также был тем, кто привел кузена на борт, так что он и должен был нести ответственность за честь Бай Шици.

— Двоюродный брат, даже будучи человеком из высшего сословия, ты не можешь просто глумиться над моим другом, ясно? — он был обижен и слова его раскатисто разлетались по каюте гулками ударами барабанов. — Не бойся, Шици, у тебя есть я! — наклонившись к ней, он потянул Бай Шици за собой, выбегая.

Эти двое покинули каюту, словно порыв ветра, оставив только Шу Чанфэна и его господина, уставившихся им вслед.

— Если я не могу ничего для вас больше сделать, ваш подчиненный просит прощения. —

добавил Шу Чанфэн.

А затем он спешно покинул место происшествия. В каюте остался только Чжао Уцзю. Он услышал звук шагов снаружи и придвинул инвалидное кресло ближе к стене, примыкающей к каюте Бай Шици. Его невыразительное лицо выглядывало из темного узорчатого инвалидного кресла словно медный колокол, прилипший к стене каюты.

Чжао Цзихэн затащил Бай Шици в соседнюю комнату, но Бай Шици только отбросила его руку, понизив голос.

— Все в порядке, брат! Разве это не просто для видимости? Ты только что поднял шумиху из-за двоюродного брата, чтобы тебе не приходилось просыпаться по утрам и принимать стойку всадника, верно? — спросила она.

— Ерунда! — попытался оправдаться Чжао Цзыхэн. — Друг мой, я без колебаний накричал бы на двоюродного брата из-за тебя, даже если ты не обиделся на него, по крайней мере, не клевети на меня!

Но под саркастическим взглядом Бай Шици он смущенно добавил:

— Это правда, что я придаю большое значение нашим отношениям и без колебаний пожертвую многим ради тебя, но и для моего удобства ... для удобства, пусть двоюродный брат почувствует мой гнев, так что, может быть, завтра я буду освобожден от утренней зарядки.

— Я знал, что ты спланировал это только для себя! — ухмыльнулась Бай Шици.

Чжао Цзихэн откинулся на кровати и довольно вздохнул.

— Как ты знаешь, двоюродный брат - холодный человек. У меня много кузенов, но он единственный, с кем непросто сблизиться. Обычно он очень занят национальными делами, потому не женился к определенному возрасту. Его родители умирают от беспокойства. Вдобавок теперь он повредил ноги, такая неудача.

Бай Шици качнула головой в задумчивости:

— Я тут спросить хотел... Ты сказал, что твой двоюродный брат - великая личность, что он постоянно занят национальными делами, но в конце концов, кто он такой?

Они знали друг друга много лет, и Чжао Цзыхэн всегда хвастался, что его семья очень богата. Бай Шици считала его типичным золотым мальчиком, однако теперь она знала, что в его семье был этот человек с его якобы высокоблагородными кровями. Поэтому его статус не должен быть низким.

<http://tl.rulate.ru/book/51381/1306120>